Я. Г. СОЛОДКИН

«ИСТОРИЯ» АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА В СОЧИНЕНИЯХ В. Н. ТАТИЩЕВА

«История вкратце» Авраамия Палицына, получившая довольно широкую известность уже вскоре после написания, к XVIII в., судя по рукописной традиции, стала наиболее популярным публицистическим сочинением Смутного времени. Недаром палицынская «книга» оказалась в числе немногих произведений периода «разорения русского», использованных В. Н. Татищевым.[1] Не вполне ясно,

---

[1] На это указал еще М. Н. Тихомиров. См.: Очерки исторической науки в СССР. М., 1955. Т.1. С. 188.

По мнению В. И. Корецкого, сочинение Палицына стало известно Татищеву до июля 1745 г., когда в письме в Академию наук автор «Истории Российской» подчеркнул уникальность многих свидетельств летописи «о разорении русском» (*Корецкий В. И.* 1) Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание смутного времени // Славяне и Русь. М., 1968. С. 284—285; 2) История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. М., 1986. С. 111).

А. П. Пронштейн, отметив факт знакомства Татищева с «Историей», вместе с тем приписывает ее открытие В. В. Крестинину (*Пронштейн А. П.* Источниковедение в России: Эпоха феодализма. Ростов н/Д, 1989. С. 69, 305). В. Л. Комарович и Л. Н. Пушкарев считали, что сочинение «Келаря Аврамея» сделалось достоянием науки в конце XVIII в., в частности, благодаря М. М. Щербатову. См.: История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 50—51; *Пушкарев Л. Н.* Общественно-политическая мысль России: Вторая половина XVII века. Очерки истории. М., 1982. С. 27. Но еще в 1732 г. «История» была использована Г. Ф. Миллером. См.: Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданным в XVIII в. М., 1981. С. 20.

Помимо «Истории», В. Н. Татищев располагал летописью «о разорении русском», «Писанием о преставлении и погребении» М. В. Скопина-Шуйского (очевидно, в составе хронографа «до 1613» г., список которого был в последней библиотеке ученого, см.: *Пекарский П. П.* Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864. С. 59; ср.: *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1966. Т. 6. С. 335, 381; Повесть о победах Московского государства / Изд. подгот. Г. П. Енин. Л., 1982. С. 83—84,

© Я. Г. Солодкин, 1993

однако, какие свидетельства замечательного «писателя русской истории» восходят к сочинению «старца Аврамея», каковы критерии отбора Татищевым известий Палицына. Рассмотрению этих вопросов посвящена настоящая статья.

В составленной вскоре после смерти ученого описи его последней библиотеки значатся два списка «Истории». Один из них содержался в рукописи «от 1552 до 1643»,[2] т. е. сборнике, включающем, по-видимому, летописные записи (возможно, он открывался «Казанской историей»). Рукопись такого состава нам неизвестна. О втором списке, вероятно, речь идет в письме Татищева советнику канцелярии Академии наук И. Д. Шумахеру (30 марта 1749 г.). В отличие от рукописей «Истории о разорении русском» и сочинения митрополита Макария про начало царствования Грозного, этот список, по мысли ученого, сохранил полный текст памятника. Татищев выражал готовность передать его (как и другие редкие книги своего собрания) в академическую библиотеку.[3] В «Предъизвесчении» к «Истории Российской» он заметил, что полностью сочинение Авраамия встречается нечасто.[4]

---

87), «Утвержденной грамотой» 1613 г. (см.: *Татищев В. Н.* История... Л., 1968. Т. 7. С. 151, 420, 425), копия которой имелась в знаменитой библиотеке Д. М. Голицына в Архангельском, где Татищев занимался, по-видимому, во второй половине 1720-х гг. (*Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И.* К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 238, 244. № 147). А. П. Пронштейн к известным В. Н. Татищеву памятникам времени Смуты относит «Временник» Ивана Тимофеева (*Пронштейн А. П.* Источниковедение... С. 69). Исследователь, надо полагать, исходит из допущения М. Н. Тихомирова насчет тождества «Истории о разорении русском» с «Временником». Однако это допущение не может считаться основательным (см.: *Корецкий В. И.* История... С. 230; *Солодкин Я. Г.* По поводу «Истории о разорении Русском» Иова-Иосифа: (Заметки о летописании) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 438). Сошлемся и на явное расхождение между «татищевскими известиями» про волнения в Новгороде в сентябре 1608 г. и воспоминаниями Тимофеева о тех же событиях (ср.: Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печ., пер. и коммент. О. А. Державиной; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. С. 131—134; *Татищев В. Н.* История... Т. 6. С. 306, 324—325). Поэтому вслед за И. И. Полосиным нужно думать, что «Временник» Татищев не использовал (*Полосин И. И.* Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1949. Т. 60, вып. 2. С. 135).

[2] *Пекарский П. П.* Новые известия... С. 58, 59. Возможно, это та «Полова архимандрита Троицкого монастыря от царствования Иоана II (как он именовал Грозного. — Я. С.) до царя Алексея Михайловича», о наличии которой в своей библиотеке Татищев писал в Академию наук 21 декабря 1735 г. (*Клосс Б. М, Корецкий В. И.*, В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 9).

[3] *Андреев А. И.* Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. // Исторический архив. М.; Л., 1951. Т. 6. С. 286.

[4] *Татищев В. Н.* История... 1962. Т. 1. С. 85. Здесь сказано, что «История» доведена до воцарения Михаила Романова. В действительности она завершается описа-

Следовательно, Татищеву были известны и другие списки «книги» Палицына.

По словам ученого, сравнительно с патриархом Иовом или монахом Иосифом «старец Аврымей» писал «кратче и не столь порядочно», представив «со всеми обстоятельствы» лишь воцарение Михаила Федоровича.[5] Тем самым, как находит В. И. Корецкий, создатель «Истории Российской» подчеркнул схематизм «Сказания» Палицына.[6] Думается, такая оценка не вполне оправданна. Ведь Татищев отметил лишь то, что рассказ Палицына уступает летописи «о разорении русском» в обстоятельности (за исключением изложения событий начала 1613 г.) и последовательности (возможно, ученый имел в виду отступления от хронологического принципа повествования в первых главах «Истории», а также повышенное внимание публициста Смутного времени к судьбе Троице-Сергиева монастыря).[7]

В примечаниях на книгу Ф. И. Страленберга (Табберта), относящихся к 1736 г., Татищев со ссылкой на «гистории» указывает на «службу» Авраамия «паче всех» при избрании на трон Михаила Федоровича.[8] Видимо, под «гисториями» здесь понимаются списки палицынской «книги» либо также зависящие от нее компилятивные летописи и хронографы, ибо о деятельном участии троицкого келаря в царском «обирании» 1613 г. в других источниках не сообщается. Учтем и то, что в заметках о междуцарствии Татищев, явно следуя «Истории», говорит о поездке депутации Земского собора (в том числе Палицына) в Кострому и «молении» в Ипатьевском монастыре юного Михаила с матерью занять престол «Московского государства».[9]

нием событий 1617—1619 гг. Поэтому допустимо полагать, что в татищевских списках палицынской «книги», по меньшей мере в отдельном списке, не было «Сказания» о вторжении королевича Владислава. Татищев, однако, мог неточно определить хронологические рамки повествования троицкого келаря. Судя по приведенным данным, такое объяснение наиболее вероятно.

[5] *Татищев В. Н.* История... Т. 1. С. 85.

[6] *Корецкий В. И.* История... С. 159.

[7] Говоря о «порядке», «порядочном», употребляя слово «порядочно», Татищев имеет в виду систематичность, последовательность (см.: *Татищев В. Н.* 1) Избр. труды по географии России. М., 1950. С. 138—140, 198, 201, 203, 206, 213, 230; 2) Избр. произв. Л., 1979. С. 138, 363, 364, 372, 396, 399, 400 и др.).

[8] *Татищев В. Н.* История ... Т. 7. С. 425.

[9] Ср.: Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой; Под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955. С. 233—235; *Татищев В. Н.* История... Т. 6. С. 368—369, 389, примеч. 120—127; Т. 7. С. 151, 443.

По-видимому, из «Истории» Татищев заимствовал сообщение о подаче казаками и стрельцами «письма» с призывом избрать на трон Михаила. Впрочем, излагая этот эпизод, Палицын умалчивает о стрельцах, но зато помимо казаков называет дворян,

В статье «Лексикона российского...», посвященной Белгородской черте, Татищев пишет о заселении южнорусских окраин при Иване Грозном «для защиты от Крыма» преимущественно отпущенными на волю холопами и преступниками, даже совершившими «смертное убивство»; в годы царствования Шуйского таковых насчитывалось свыше двадцати тысяч.[10] Эти сведения почерпнуты из «Истории», только ее автор рассказывает о колонизации «украйн» как при Грозном, так и во время Бориса Годунова.[11]

По утверждению В. И. Корецкого, в «Выписке из гистории с начала царства царя Федора Иоанновича...» (подготовительных материалах к четвертой части «Истории Российской»), говоря об избрании Бориса на трон, Татищев «не воспользовался Сказанием» Палицына.[12] Однако, как указывает сам В. И. Корецкий, в одном из вариантов примечаний ко второй части главного татищевского труда заключение о «великом разорении» государства вследствие воцарения Годунова сопровождается ссылками на Палицына и Иосифа[13] (летописи которого отдано решительное предпочтение в «Выписке...»). Окончательный текст «Выписки...» дополнен припиской о том, что при избрании на престол Борис стал отказываться от власти и «по неколикократном прошении» уехал к сестре В Новодевичий монастырь.[14] Татищев мог узнать об этом из «Истории».[15]

детей боярских, гостей и атаманов (Сказание Авраамия Палицына... С. 232). Скорее всего, здесь Татищевым допущена очередная неточность в передаче известия Авраамия. Отметим также, что, резюмируя главу «Истории» о «послании к Костроме с молением», исследователь однажды упоминает Федоровский монастырь (вместо Ипатьевского) и говорит о встрече земских выборных протопопов с «народом», а не «градодержателями», как читаем у Палицына.

10 *Татищев В. Н.* Избр.произв. С. 184. По-видимому, работа над «Лексиконом» продолжалась с 1720-х гг. до конца жизни Татищева (*Валх С. Н.* О составе издания // Там же. С. 27, 28, 30—32).

11 Сказание Авраамия Палицына... С. 107, 108.

12 *Корецкий В. И.* История... С. 159. Ссылаясь на название «Выписки...», исследователь заключает, что в основу ее положен Новый летописец, доведенный до середины царствования Алексея Михайловича, т. е. до начала 60-х гг. XVII в. (Там же. С. 134). Но среди продолжений Нового летописца такое не известно (см.: *Жарков И. А.* Три продолжения «Нового летописца» // Летописи и хроники. М.; Л., 1980. С. 190—196). Очевидно, слова Татищева не следует понимать буквально. Поскольку им привлекалась Летопись о многих мятежах (см.: Татищев В. Н. История... Т. 7. С. 168—170), возникшая около 1658 г., т.е. приблизительно в середине царствования «тишайшего» Алексея Михайловича, в названии «Выписки...» могла иметься в виду эта редакция Нового летописца.

13 *Корецкий В. И.* История... С. 119, 159. Этот текст был обнаружен Е. Н. Кушевой (*Кушева Е. Н.* К истории холопства в конце XVI—начале XVII веков // Исторические записки. 1945. Кн. 15. С. 77, примеч.4).

14 *Татищев В. Н.* История... Т. 6. С. 287.

15 См.: Сказание Авраамия Полицына... С. 103—104.

Учтем также, что, завершая работу над «Выпиской...», ученый обратился к рассказу Палицына о намерениях Лжедмитрия I воевать с Крымом.[16]

В. И. Корецкий полагал, что, говоря о воцарении Шуйского, Татищев оставил «Историю» в стороне.[17] Но он сам заметил, что свидетельство Палицына об избрании царя Василия на престол находится «в согласии с Выпиской».[18] В татищевском рассказе о правлении Шуйского приведен факт обличения Григория Отрепьева его собственной матерью,[19] встречающийся только у Авраамия,[20] а из подготовительных материалов к «Истории Российской», касающихся междуцарствия, узнаем про то, что, приехав в «подмосковные полки», Палицын, обещая помощь от монастырских властей деньгами и «запасами», просил воевод и «воинства» постараться освободить столицу от поляков; 23 августа 1612 г., когда казаки, «осердясь на Пожарского... хотели итти прочь», келарь призвал их, «согласясь» с новым земским ополчением, «назавтрее» вступить в сражение с гетманом Ходкевичем.[21] Аналогичные сведения находим в палицынском «Сказании» о разорении и освобождении Москвы,[22] хотя Авраамий не сообщает, что ездил в «полки» «от архимандрита», после того как стало известно о падении Смоленска, что обещал ополченцам помощь «деньгами и запасами»,[23] уговаривал казаков, соединившись с отрядами Пожарского, атаковать войска Ходкевича на следующий день.[24] Итак, есть основание отклонить предположение В. И. Корецкого, будто в числе источников татищевского повествования за 1606—1612 гг. «Истории» не было.[25]

Внимание Татищева привлек один из эпизодов обороны Троице-Сергиева монастыря в 1608—1610 гг., описание которого составляет центральную часть «книги» Палицына. По свидетельству ученого,

---

16 Ср.: Там же. С. 114; *Татищев В. Н.* История... Т. 6. С. 295—296. О том, что Самозванец обещал полякам начать поход против крымцев уже весной, отправил «наряд» в Елец, распорядился готовить запасы и собирать войска, читаем только в «Истории».

17 *Корецкий В. И.* История... С. 159—160.

18 Там же. С. 157.

19 Сказание Авраамия Палицына... С. 111.

20 *Сторожев В.* Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. С. 146, примеч.

21 *Татищев В. Н.* История... Т. 6. С. 351, 362.

22 Сказание Авраамия Палицына... С. 216, 225—226.

23 Он счел нужным отметить лишь то, что появился в ополчении «со святыми водами, укрепляя (ратников, — *Я. С.*) от божественных писаний».

24 Согласно воспоминаниям Палицына, он призвал казаков немедленно вступить в бой.

25 *Корецкий В. И.* История... С. 160.

узнав о подкопе, который вели тушинцы под монастырские стены, троицкие «сидельцы», «перекопав, подкопщиков живых взяли» и захватили много пороха, в котором уже испытывали нужду.[26] Этих деталей нет в рассказе Авраамия о «зарушении» подкопов; порох, как он сообщает, был захвачен осажденными при взятии «литовского наряду» на Красной горе.[27] Вероятно, Татищев почерпнул данные подробности из польских источников.

Считается, что предпочитая из нарративных памятников «участные истории», т. е. принадлежащие очевидцам и участникам событий, Татищев в первую очередь использовал те из них, которые позволяли воссоздать прошлое с наибольшей полнотой.[28] То обстоятельство, что говоря о троицкой осаде, ученый не обратился к посвященному ей «Сказанию» Палицына, заставляет внести ограничение в этот вывод (среди «участных историй» в «Предъизвесчении» к главному татищевскому труду названа и «книга» Авраамия[29]).

В «Произвольном и согласном разсуждениии... о правлении государственном», которое новейший исследователь склонен датировать второй половиной 1733—началом 1734 г.,[30] Татищев утверждает, что Россия находилась в чести и безопасности до смерти Бориса Годунова.[31] Возможно, это мнение сложилось под влиянием «Истории», где читаем о страхе, внушенном царем Борисом соседним странам.[32] В «Представлении о купечестве и ремеслах» ученый писал про неграмотность Годунова.[33] Быть может, основанием для такого мнения послужило замечание Палицына, что Борис «писаниа божественаго не навык»,[34] хотя его скорее надо понимать как указание на недостаточное знакомство со «священными» книгами.[35]

Итак, повествуя о перипетиях кануна Смуты и самого лихолетья, Татищев обращался к «Истории» эпизодически (видимо, со

---

26 *Татищев В. Н.* История... Т. 6. С. 333.

27 См.: Сказание Авраамия Палицына... С. 153, 154, 156.

28 *Валк С. Н.* «История Российская» В. Н. Татищева в советской историографии // *Татищев В. Н.* История... Т. 7. С. 15; *Корецкий В. И.* История... С. 159.

29 К их числу отнесено там и сочинение А. М. Курбского. Утверждение В. И. Корецкого, будто «участными историями» в оценке Татищева являлись летописи (*Корецкий В. И.* История... С. 12), нуждается, следовательно, в уточнении.

30 *Юхт А. И.* Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х—начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 295, 310, 321, 354, примеч. 63.

31 *Татищев В. Н.* Избр. призв. С. 148.

32 Сказание Авраамия Палицына... С.109.

33 *Татищев В. Н.* Избр. произв. С. 394.

34 Сказание Авраамия Палицына... С. 101.

35 *Шереметьев С. Д.* Грамоты с подписями Бориса, Димитрия и Степана Годуновых (7080—7111 гг.) // ЧОИДР. 1897. Кн. 1. С. 2.

второй половины 1730-х гг.). Главным образом, он заимствовал у ее автора сведения, которые не встречал в других источниках; подчас эти сведения ученый дополнял сообщениями современников Авраамия и позднейших историков. Хотя в глазах Татищева «История вкратце» явно уступала летописи Иова-Иосифа в систематичности, последовательности изложения, в оригинальности известий, он стремился учесть наиболее интересные показания «старца Аврамея», но передавал их смысл не всегда точно.

Приведенные наблюдения дают возможность представить творческие принципы выдающегося писателя-историка XVIII в.